

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ
И ТИБЕТОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**КУЛЬТУРА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ**

*письменные
источники*

Выпуск 10

Улан-Удэ
2017

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)

ББК 63.3 (2Рос=Калм)

Успенский В. Л.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ЕЛЕНА РЕМИЛЕВОЙ
«ОЙРАТ-МОНГОЛЫ: ОБЗОР ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКИХ КАЛМЫКОВ».
WEILER: BERTUGAN, 2010. 690 с. ISBN 978-3-939165-18-7

V. L. Uspenskii

A REVIEW OF THE MONOGRAPH OF ELENA REMILEVA
«OIRAT-MONGOLEN. EIN ÜBERBLICK ÜBER DIE GESCHICHTE DER EU-
ROPÄISCHEN KALMÜCKEN». WEILER: BERTUGAN VERLAG, 2010. 690 С.
ISBN 978-3-939165-18-7

The book by Elena Remilev «The Oirat Mongols: An Overview of the History of the European Kalmucks» is a huge compilation of various materials relating to the history of the Western Mongols. The author is a daughter of an immigrant “White Russian” Kalmuck Cossack officer. The influence of her background was very evident in the slant given to the material, and the way in which the military history of the Kalmucks in this period is described. The book focuses on this history during the period of the Russian Empire, and the Kalmucks participation in the counter-revolutionary “White Russian” movement during the Civil War of 1917–1920. The book contains many photos, maps, biographical sketches and personal reminiscences of eminent Kalmuck spiritual and military leaders. The book is informative for those interested in the history of the Cossacks and the Civil War in Russia.

Книга Елены Сарановны Ремилевой представляет собой большой том, на взгляд современного читателя – необычного формата и структуры. Необычна и биография автора. Е. С. Ремилева принадлежит ко второму поколению русской эмиграции, сохранившей, однако, и русский язык, и осознание своей связи с Россией. Она родилась в 1931 г. в Бельгии в семье С. Р. Ремилева, казачьего офицера из донских калмыков (его биография содержится на с. 630–632 книги). Образование получила в русских эмигрантских гимназиях Праги и Мюнхена. Тридцать лет Е. С. Ремилева прора-

ботала на радиостанции «Свобода», которая, по ее собственному признанию, стала для нее «университетом». Понятно, что радио «Свобода» не является тем университетом, где учат познанию истины, но в умении эффектно подать материал западным пропагандистам отказать нельзя.

Состав и структура книги довольно пестрые. В нее входят общие обзоры исторических событий и воспоминания их участников, выдержки из работ предшественников, фотографии, географические карты, биографии политических и религиозных деятелей и т.д. Значительная часть книги – не собственный текст Е. С. Ремилевой, а выдержки из книг и статей различных авторов разных эпох и с разной терминологией.

Книга разделена самим автором на три большие части.

Часть I «Ойратский период истории калмыков» (с. 67–297).

Часть II «Зачисление калмыков в казачье сословие» (с. 301–473).

Часть III «Европа к началу войны 1914 года» (с. 475–679).

Введение «Центральная Азия в средневековье» (с. 17–66) посвящено, главным образом, Монгольской империи – ее созданию и распаду. Е. С. Ремилева считает, что двигала монгольскими завоевателями «идея мира и блага народов» (с. 31), а Чингисхан был «человеком глубоко религиозным» (с. 32) и «пришел к идее замирения народов путем создания мирового государства» (с. 31). В подтверждение подобного взгляда на монгольские завоевания («монгольское движение» по терминологии автора) использованы работы различных авторов, вплоть до Л. Н. Гумилева. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что подобный взгляд завоёвывает всё бóльшую популярность не только в исторической науке, но и самосознании народов России. Представители калмыцкой эмиграции (напр. Эренжен Хара-Даван) считали, что монгольские завоевания несли завоеванным странам (включая Россию) не только разрушение, но и стабильность.

Первая часть книги охватывает обширный исторический период от XIV в. до ухода значительной части калмыков в Джунгарию

в 1771 г. Однако хронологические рамки не такие строгие, и в некоторых случаях повествование доходит вплоть до XX в. Причем многие страницы этого раздела посвящены истории России, монголов и казачества вообще, истории Джунгарского (Е. С. Ремилева пользуется старинной транскрипцией: Зюнгарского) ханства, отдельным историческим деятелям.

Конечно, наиболее интересными в книге являются страницы, посвященные истории отношений калмыков с Россией. «Ойратский период» охватывает то время, когда жившие на Волге калмыки считали себя также неотъемлемой частью западномонгольского мира и поддерживали с ним постоянные контакты.

Историю жизни калмыков в царской России Е. С. Ремилева разделяет на четыре периода:

1. 1630–1655 гг. – от прихода калмыков на Волгу до принятия присяги на верность русскому царю ханом Шукур-Дайчингом;
2. 1655–1724 гг. – от образования Калмыцкого ханства до смерти Аюки-хана;
3. 1724–1771 гг. – от времени борьбы за ханский престол наследников Аюки-хана до перекочевки калмыков в Джунгарию;
4. 1771–1892 гг. – от ликвидации Калмыцкого ханства до реформы управления калмыцким народом 1892 г.: переходу к политике перевода калмыков на оседлому хозяйствованию.

Подробно повествуется об Аюке-хане, который являлся фигурой яркой и самобытной, хотя его действия неоднозначны. Он встречался с Петром I и выполнял его поручения, принимал посольства из Пекина и посылал туда свои посольства. Получал легитимизацию своей власти от русского царя, китайского императора и Далай-ламы одновременно. Грабил русские города и защищал южные рубежи России. Е. С. Ремилева перевела с немецкого замечательный отрывок о том, как итальянский певец-кастрат Филиппо ездил к Аюке-хану с русскими представителями (с. 241–247). Необычное пение так понравилось калмыцкому правителю, что он предложил обменять его на шесть лошадей. Сделка не состоялась единственно потому, что певец Филиппо принадлежал

самому царю. Хан обиделся, но щедро одарил певца. Сегодня очень недостает подобных источников, где об исторических деятелях рассказывают, как о живых людях.

Однако компилятивный метод изложения материала мешает автору объективности рассмотрения исторических фактов. Например, утверждается, что в начале XVIII в. русское правительство смотрело на калмыков «как на серьезную военную силу, как на пушечное мясо. Оно видело в калмыках только “коварных азиатов”, которых можно эксплуатировать и обманывать» (с. 235). И далее в том же духе. Поскольку источник подобных весьма далеких от истины исторических оценок был опубликован в Берлине в 1944 г., необходимость в полемике по этому поводу отпадает.

События, которые последовали после смерти Аюки-хана в 1724 г. (борьба за ханский престол, стремление русского правительства осуществлять более жёсткий контроль над калмыками) освещены в книге Е. С. Ремилевой довольно кратко. Особо хотелось бы остановиться на таком судьбоносном для калмыков историческом событии как перекочевка в Джунгарию в 1771 г. (с. 277–285). В последние годы в России были опубликованы монографические исследования этого события; не забывают о нем и в Китае. Объясняя по-разному причины столь масштабного и драматического исхода, почти все сходятся в том, что перекочевка обернулось огромным бедствием для народа.

Император Цяньлун в своей высеченной на камне надписи утверждал, что торгуты вернулись в родные кочевья, прежде всего, потому, что в России религия Будды не распространена. В храме Путоцзунчэн в Чэндэ, который является копией Поталы – дворца Далай-лам, император Цяньлун принял хана торгутов Убаши. Сейчас там находится небольшой музей торгутской культуры. Посетитель, в частности, может узнать, что страдания, которые испытывали торгуты в России, были беспрецедентными в мировой истории, и поэтому они решились на героический акт патриотизма, который является примером для всех народов Китая. Приведена в

книге С. Е. Ремилевой и казахская (т.е. враждебная калмыкам и джунгарам) версия побега (с. 281–285).

Можно, конечно, анализировать разные причины откочевки калмыков (все они приведены в книге). Наиболее популярной является версия, поэтически выраженная Сергеем Есениным:

Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргис.
От российской чиновничьей неволи,
Оттого что, как куропаток, их щипали
На наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепак.
(«Емельян Пугачев»)

Однако недовольство калмыков жизнью в России отражало более широкую мировую тенденцию: начало упадка кочевого скотоводства и наступление оседлых государств. С этой тенденцией калмыки столкнулись и придя в Китай. «Тем более сильно ощущали кочевники жесткую руку оседлого государства, когда последнее переходило к политике прямого управления или больше не нуждалось в предоставлении им особого статуса, и тем более когда оно просто стремилось ликвидировать саму проблему кочевников в своих пределах».¹

Джунгария представлялась калмыкам как альтернатива. В XVII в. торгуты, составлявшие большинство калмыков, бежали на Волгу от утеснения джунгарами, а через 140 лет их потомки бежали в обратном направлении от утеснения русскими. Но процесс подчинения кочевников оседлым государствам был общемировым, убежать от которого было невозможно. К тому же, калмыки жили в европейской части России, поэтому колонизационная политика российских властей ощущалась ими сильнее. В середине XVII в. Московское государство довольно слабо контролировало юго-

---

¹ Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2008. С. 242.

восток страны, где гуляла казацкая вольница (не забыла С. Е. Ремилева на с. 255 упомянуть историю о том, как Стенька Разин утопил в Волге персидскую княжну). Реакцией на укрепление государственной власти в XVIII в. на этих пределах страны стали откочевка калмыков и пугачевский бунт (который, собственно, и начался с того, что яицкое казачье войско отказалось преследовать бежавших калмыков и взбунтовалось).

Пользуясь возможностью, хочу коснуться вопроса о якобы имевшемся «повелении Далай-ламы» об откочевке в Джунгарию. Существует подробнейшая биография Далай-ламы VII (1708–1757) на тибетском и монгольском языках, в которой содержатся сведения и о его контактах с торгутами. Далай-лама VII был исключительно лоялен по отношению к маньчжурским императорам и не предпринимал никаких политических шагов, не получив одобрения из Пекина. Это, в частности, относится к посольству калмыков 1731–1732 гг. Далай-лама VII ограничился поминальными службами по Аюке-хану, а грамота об утверждении в ханском звании Цэрэн-Дондука, которую он вручил калмыцкому посольству, была пожалована императором Юнчжэнем. В его биографии упоминается и торгутское посольство 1757 г. (пекинское издание биографии Далай-ламы VII на тибетском языке, л. 527б: 5), участники которого названы «торгутскими совершителями добродетели» (тиб. *thor god kyī dge sgrub pa rnam*, монг. *torγud ulus-un buyan-i бүтүгөгчид*). При этом отмечается что их сопровождал императорский телохранитель (кит. шивэй) Фу, который также привез императорский указ и дары. Никаких намеков на какие-либо призывы к перекочевке не содержится. Сразу после этого начинается рассказ о болезни и последовавшей вскоре кончине Далай-ламы. Поэтому, если и существовали какие-то ссылки на призывы Далай-ламы, то они были подложными.

Почти вся история калмыков после 1771 г., изложенная в книге Е. С. Ремилевой, представляет собой военную историю калмыков. Подробнейшим образом описано расселение в России различных групп калмыков и казаков, административное устройство донских

калмыков. Небольшое отступление – это очерк истории буддизма и образования у калмыков (с. 445–458). Буддизм воспринимается автором как фактор сопротивления русификации и христианизации.

Калмыки участвовали во всех войнах, которые вела Россия. К началу Отечественной войны 1812 г. существовало три самостоятельных калмыцких формирования (с. 396). Их боевые подвиги во время Отечественной войны и заграничного похода русской армии в 1813–1814 гг. не остались незамеченными современниками и даже были воспеты в стихах. Подробно в книге описан боевой путь двух калмыцких полков. Один, под командованием князя Д. Тундутова, был сформирован из дербетов; другой, под командованием князя С. Тюменя, был сформирован из хошутов и торгутов. Оба полка участвовали во многих сражениях и дошли до Парижа (с. 396–408). Активное и массовое участие в войне приняли донские калмыки, которые состояли в Войске Донском (с. 413–419).

Третья часть называется «Европа к началу войны 1914 года» по недоразумению. В действительности ее следует назвать «Участие калмыков в белом движении и Гражданской войне в 1917–1920 гг.». Содержание этого обширного раздела книги главным образом состоит из воспоминаний эмигрантов-участников тех боев и событий. Отсюда эмоциональность и даже некоторая нервозность изложения. Фактически, это уже не столько история калмыков, сколько история Гражданской войны на юге России. В книге Е. С. Ремилевой представлена единственно точка зрения «белых», поскольку, как утверждается, «до самого падения Крыма вместе с казачеством калмыки вели титаническую борьбу с большевиками» (с. 485). Подробно описан боевой путь Зюнгарского калмыцкого полка. Зато красный герой-кавалерист О. И. Городовиков в этих эмигрантских воспоминаниях изображен чуть ли не как маньяк, который скрежещет зубами и сверкает глазами, желая лично расправиться с белыми калмыцкими офицерами (с. 570). Трудно ожидать других оценок от представителей побежденной стороны, но

при таком тенденциозном подборе фактов и мнений невозможно говорить об объективности автора книги.

Впрочем, читаются воспоминания участников белого движения с интересом, т.к. в советское время познакомиться с ними не было возможности. А вопросы возникали, например, при чтении «Тихого Дона» М. А. Шолохова, где калмыки упоминаются неоднократно.

На с. 676 помещен рисунок калмыцкой могилы на турецком острове Лемнос и написано большими буквами: «Конец». Если судить по книге, то история ойратов для Е. С. Ремилевой закончилась после победы красных в Гражданской войне и бегства за рубеж белых калмыков. Все остальные события, связанные с калмыками, упоминаются почти исключительно в связи с деятельностью отдельных представителей эмиграции. Это неудивительно, если вспомнить биографию автора – ведь ее представления о России и калмыках сформировались под влиянием белой эмиграции. Некоторые факты и цитаты о деятельности калмыцких эмигрантов, приводимые Е. С. Ремилевой, вызывают невольное содрогание у российского читателя. Например, восторги писателя С. Б. Балыкова по поводу того, что в октябре 1942 г. немецкая армия уже дошла до Дона: «Какое грандиозное событие в жизни нашего народа! Какое счастье это переживать!» (с. 636). Известно, что значительная часть русской эмиграции, которая не оставляла надежд вернуться в Россию, восприняла германскую агрессию как избавление от большевизма. Но в наше время тиражировать подобные взгляды неуместно.

Можно сожалеть, что в книге С. Е. Ремилевой почти не отражена культурно-просветительская деятельность калмыцких эмигрантов, которая велась на высоком уровне. Например, в Праге неоднократно читал лекции калмыцким эмигрантам бывший профессор Петроградского университета, член-корреспондент АН СССР В. Л. Котвич, который переехал в Польшу в 1923 г.

К какому жанру можно отнести книгу Е. С. Ремилевой? Это нечто среднее между «исторической хрестоматией» и «рассказами

по истории калмыцкого народа». В подобном жанре, популярном в дореволюционной России, которого не чуждались и выдающиеся историки, нет ничего предосудительного. В существующем виде книга Е. С. Ремилевой, безусловно, предназначена для специалистов и больших библиотек. Но многие материалы, будучи очищены от пропагандистского налета, представляют интерес для широких кругов читателей, интересующихся не только историей калмыков, но и России в целом.